

Пламя и молнии гремели по громадному котлу, рассыпая вокруг настолько смертоносные искры, что любой нормальный человек наверняка был бы испарён в одно мгновение. Здание громыхало всё сильнее с каждым новым гейзером электризованного пламени.

Такого уровня опасности в работе он давненько не испытывал. Даже самые интенсивные компоненты Робертов не могли сравниться с этим. Чёрт, с самого её сотворения он не видел такой ярости от Ямы Клоуна.

В такие моменты даже он сам не был неуязвим. Печь владела достаточной энергией, чтобы стереть его в порошок. Приходилось постоянно находиться в пан-розум просто для того, чтобы держать её под контролем.

Одна маленькая ошибка – и бедный Львёнок канет в бездну вместе со своим жнецом. Ведь находились они сейчас прямо над ней, в самом центре ревущего Инферно – вероятно, ревущего громче, чем они могли вопить от агонии, раз он ничего от них не слышал.

Сама по себе Яма представляла гигантскую чашу в полу, достаточно большую, чтобы запихать внутрь штук десять машин. Куча пространства для движения и работы, а ещё взаимодействия с олицетворением ярости внутри, когда требовалось пригладить или успокоить её где-нибудь, немного пощупать струи свирепого рвения, текущего через каждую искру и язык пламени.

Деликатная, очень деликатная работа. Особенно, когда Яма злилась.

Впрочем, настоящее волшебство происходило на самом дне чаши, в центре, где субъекты экспериментов настолько же удерживались ремнями, насколько и вихрями рвения вокруг них. Потому что под ними, под этим вихрем, был Глаз Ямы.

Чёрная бездонная дыра, откуда притекало всё рвение ямы, и куда оно отправлялось назад. Нечто вроде разлома, место, в котором Яма по-настоящему жила. Где она чувствовала. Где училась.

Где решала, будет ли работать с ним или против него во время их очередного творческого процесса.

В этот раз, к несчастью, она выбрала последнее. Что не слишком удивляло.

Органика ей не сильно нравилась. Особенно люди. Его она терпела, да, но всех остальных? О нет. Их она хотела сделать неорганикой. Стереть в порошок.

Поэтому Моргунову приходилось бороться. И с большим трудом.

Но, к счастью, далеко не в первый раз.

Ключ был в том, чтобы не действовать прямо. Пытаться пересилить Яму в такие моменты – глупая затея. У неё была гордость, которую приходилось уважать, иначе она восстанет и попытается пересилить уже его.

Эту ошибку он допустил всего раз.

Год ушёл у него на полное восстановление, потому что она вырвала Була из него как сыр из сэндвича – а потом постоянно использовала жнеца в качестве заложника. Заставить Яму снова довериться ему было одной из самых трудных и неприятных задач в его жизни. Потребовалось дофига подарков и ещё больше переговоров, пока наконец дело не дошло до второй битвы, в которой ему удалось доказать своё превосходство благодаря продолжительной и крайне масштабной подготовке.

Снова тот же трюк на него не сработает, конечно, но Моргунов не собирался испытывать гениальность Ямы. Как он рос и менялся с годами, так и она. Вообще, как раз из-за того, что он рос и менялся, росла и менялась Яма.

Сейчас она в очень многих отношениях могла бы послужить ему отражением. Не уважать её – всё равно, что не уважать себя.

А он такое ненавидел.

Поэтому нет. Что в обычной ситуации показалось бы ему интересным испытанием, в этой было совсем иначе. Потому что Яма Клоуна другая. Особенная. Заслуживающая своего страха и восхищения. Но не настолько, насколько он, иначе она увидит слабость и снова попытается установить свою власть.

Трудный баланс, чёрт его дер.

Тут и там он скорее показывал свирепой энергии направление, чем пытался противостоять ей или бороться. Нежные касания. Эту вспышку здесь. Эту молнию тут. Пламя вон там.

Пока он шагал сквозь Инферно, время практически не существовало. Оно замедлялось. Или, быть может, извивалось. Растягивалось. Подчиняясь воле его и воле кузни.

Он позволил течениям говорить с ним. Яма рассказывала историю. Он должен был слушать. Держаться правды. Понимать.

Воспоминание? Нет. Страх? Да. Воспоминание из будущего, как можно его назвать. Так легко спутать с воспоминанием из прошлого.

Он увидел громадный столб, тянущийся к небу, к самым облакам. Откуда он взялся? Моргунов опустил взгляд ниже. К основанию. Ниже и ниже. Настолько далеко ниже.

Наконец он узнал это место. То самое, где стоял сам. Где находилась эта самая мастерская.

А.

Да. Действительно страшно. Громадная башня из кристалла. Из кварца, насколько мог судить Моргунов.

Интересно.

Кузня боялась Львёнка? Или же спящей силы, которую Моргунов хотел пробудить? Она почувствовала опасность. Ну конечно.

Хотя подобные предупреждения не требовались. Ему самому не понравится, если любимая мастерская будет уничтожена, но приходится идти на такой риск. Сухой Бог – его лучшая зацепка в поиске Изначальных.

К тому же Моргунов просто хотел поговорить с ним. Какого только безумия не мог рассказать бог? Трудно было сдержать волнение.

Хотя все эти чувства приходилось подавлять. Сейчас у него была задача, требующая всего внимания целиком.

Ха. Может, кузня это понимала и пыталась отвлечь. Не сработает, но она та ещё хитрая зараза, если всё так.

В любом случае, теперь он был убеждён даже больше, чем прежде, что встал на правильный путь. Сила в этом видении очевидно не могла принадлежать Асаду и Корвасу.

Он был уже так близко.

Поток рвения переменялся. Ощутимо. Да. Стал плавным. Более эффективным. Хорошо. Меньше искр. Меньше извержений пламени. Меньше треска молний. Направление работало. Медленно, но верно.

Нынешней целью было создание идеального потока. Оптимально эффективного. Без трещин и протёков.

Это было главным сдерживающим фактором Ямы Клоуна, вызванным придуманным им дизайном. И заключалась вся проблема в открытой воздушной верхней части кузни.

Как правило, их создавали с неким центральным компонентом, чтобы ситуации вроде этой,

когда энергия хлещет во все стороны и угрожает пользователю напрямую, были невозможны.

Но Моргунов хотел попробовать с Ямой кое-что другое. Конечно, технически, она всё ещё была внутри более крупной комнаты, но это больше служило для того, чтобы защитить её от лишних глаз, чем от самой себя.

По правде говоря, он даже не был уверен, что она будет работать. Такое открытое пространство шло вразрез со всеми основными принципами, какие пытались привить ему наставники. Возможно, именно поэтому он так хотел, чтобы всё получилось. Хотя бы в качестве доказательства концепта. Хотя бы ради себя.

Да, Яма была настоящей дырой во время своего конструирования. Свободный поток рвения создавал настолько свирепые энергетические штормы, что рисковал уничтожить её саму.

Но ему всё же удалось сделать её. И эта невероятная мощь, какую бы опасность ни несла, стоила любого риска. Как с дикой лошадью, вся суть в том, чтобы её подчинить.

К тому же это добавляло аспект безопасности, потому что никто другой в мире не сможет использовать Яму Клоуна против него. Она немедленно разнесёт в пыль любого, кто попытается.

Он глубоко вдохнул, принимая немного рвения в себя. Это тоже было весьма опасной практикой, требующей большого опыта в управлении рвением и сопротивлении ему, каким владели только императоры. Но оно стоило усилий, потому что позволяло стать частью самого потока, а значит, проще его направлять.

Как если бы поток рвения становился продолжением его воли.

Он оживлял. Наполнял эйфорией. Чистым чувством собственной силы и свободы. Живой энергии. Если бы можно было остаться в этом состоянии навсегда, он мог бы именно так и поступить.

Каждый раз, делая это, он вспоминал истории своих учителей. О великих изобретателях прошлого и о том, как они использовали эту самую технику, чтобы прикоснуться к необъятной энергии самой планеты. Превосходили себя, выходили за пределы собственного гения на высший уровень знаний, какой только возможен в этом плане существования.

Он считал, что все эти истории преувеличены. Наверняка так оно и было. Но в такие моменты он видел, по крайней мере, краешек правды в них.

Не считая прикосновения к гению за пределами своего. Это казалось ему преувеличением. Никогда он не чувствовал чужих идей. Но опьянение силой? Безумный потенциал? Всё это разжигало огонь творчества в нём, и это он отлично чувствовал.

Шторм уже практически успокоился. И это было прекрасно. Молнии исчезли. Огонь пока остался, но потерял хаотичность. Он тёк в повторяющихся, геометрических узорах по всей чаше, превратившись в видимое невооружённому глазу сдерживающее поле вокруг Асада и Корваса.

Слёзы появились в его глазах, и их капли утянуло пламя.

Так было каждый раз. Он ничего не мог поделаться. Лицезрение величия любой кузни слияния на вершине её способностей всегда задевало струны его души.

Чистота перед ним. Сияние. Чудо. Оно утянуло его назад до самого конца. На сотни лет. В те редкие, мимолётные мгновения любопытной невинности детства.

Так оно ощущалось для него. Инкарнация любопытства. Может, взгляд в Высшую Реальность.

Это было тем, ради чего он жил.

Теперь поток стал по-настоящему идеальным. Он медленно пошёл к нему, не торопясь, наслаждаясь, двигаясь через всю протяжённость чаши, наблюдая за каждым сантиметром сдерживающего поля, чтобы убедиться.

Пламенное сияние должно быть совершенным. Не для каких-то там вычислительных мер. Просто должно быть. Вся суть в том, чтобы добиться идеала. Так много риска он сейчас пережил, и так много мог выиграть. Из таких редких моментов нужно брать всё. Наверняка ещё не скоро у него появится причина снова разгонять Яму до такого уровня.

Вот. Блестящее красно-оранжевое сияние с проблеском золотого в каждом потоке пламени. Словно ленты на огромной сфере, ослепительной и чужеродной всему этому миру в её блеске.

Практически готово. Мысль, вызвавшая у него разочарование. Но он знал, что задерживаться не стоит. Яма без труда могла выдержать и это, и гораздо больше, но из-за промедления ей могло стать скучно.

Сколько бы у них ни было схожих черт, в этом они отличались целиком и полностью. Плевала кузня на своё величие. Она желала только закончить дело, и всё.

Глаза Моргунова, обычно серебряные, сейчас горели красным и золотым, наблюдая за Асадом и Корвасом. Субъекты больше не дёргались. Потеряли сознание, к превеликому сожалению. Безупречное сдерживающее поле сейчас бы нейтрализовало всю боль. Даже надвигающееся снятие татуировок Львёнка не принесло бы страданий. Оно, скорее, будет напоминать сдирание шелушащейся кожи. С тем же приятным ощущением.

Теоретически, по крайней мере.

Моргунов поднял руку и приступил к работе. С вершины сдерживающего поля опустился один поток пламени, проложивший красно-золотую тропу к Асаду Наджиру.

Соприкоснувшись с кожей, свет засиял на мгновение в ослепительной вспышке, а затем поглотил его тело целиком.

Татуировки сопротивлялись. Они тоже были золотого оттенка, только темнее и ярче.

Моргунов, конечно, уже видел такое и потому ожидал. Они были теми ещё упёртыми засранцами, явно хотели опять встать на пути его прогресса.

Но в этот раз дело пошло иначе.

В этот раз он мог достать поток рвения внутри самих татуировок. Где раньше их секреты были тщательно скрыты, теперь он чувствовал их. Через Корваса Яма смогла войти внутрь.

Потрясающе.

Эта вязь потоков. То, как она изменялась и изворачивалась... неужели реагировала на наблюдение? Не нравилось, когда на неё смотрели?

А.

Это была структура памяти. Псевдосознание. Даже более сложное, чем он думал.

Мастерская работа.

Редки были моменты, когда ему удавалось посмотреть и восхититься работой другого объединителя, особенно из-за того, насколько стар он стал и сколько всего успел увидеть.

Но эти узоры – это было нечто другое. Как они могли быть так эффективны? Выглядели довольно неуклюже, а всё же не пропускали ни капли потока. Рвение не утекало наружу. Такой же идеал, как он только что создал в Яме.

Это не имело смысла.

Добиться безупречной эффективности непросто. На самом деле, в отношении изобретений, вероятно, не было ничего важнее эффективности потока рвения. Многие объединители тратили сотню лет, если не больше, пытаясь добиться успеха всего лишь в этом одном

направлении – и всё равно умирали раньше, чем успевали увидеть результат.

Но это. Нечто совершенно иное. Идеальный поток, выглядящий совсем не идеально. Как такое может быть?

Он что-то упускал. Какой-то элемент строения явно был скрыт от него.

Чёрт! Такая искушающая тайна! Здесь?! Сейчас?! У него ведь не было времени! Их нужно удалить немедленно!

Но эта величественная структура... уничтожить её будет жалко. Очень жалко. Вообще, если уничтожить её, не раскрыв всех секретов, это будет не «жалко», а... настоящее преступление. В его понимании.

Интеллектуальное преступление. Без сомнений.

Да.

Его приоритеты резко изменились. Нельзя позволить уничтожить эти татуировки. Их определённо нужно каким-то образом сохранить.

Но каким? Угх.

Он копошился в собственных мозгах, пытаясь придумать способ. Поток был слишком трудным, чтобы просто запомнить в такой краткий промежуток времени. Впрочем, с безупречной памятью Була, может, это и возможно.

Нет, нет. Есть идея получше.

Вместо уничтожения перенести их на какое-нибудь тело. А затем изучить, как будет время.

Или...

Или?..

Он мог использовать собственное тело. Перенести их на себя.

Ха-ха-ха... разве ж это не будет охренительно опасно?

Ну что ж. Ещё как будет.

Как страшно. Голос разума говорил ему остановиться. Что было хорошо, наверное. Чего бы там мир ни надумал о нём, он не совсем безумен. По крайней мере, часть него всё ещё понимала, что все остальные части думают сумасшедшие мысли.

И всё же...

В пылающем шторме его идей голос разума лидировал редко. Это он тоже знал. В такие мимолётные мгновения, когда мечущиеся мысли стекались в круговорот могущества кузни слияния – с её чарующим чувством эйфории – Моргунов всегда знал, что собирается принять решение, находящееся очень далеко от мудрого.

Потому что с хрена ли нет? Он разве не Безумный Демон Избавления? Не Маньяк Малудоны? Не Псих Ворвэя?

... Не Сумасшедший Лоторево?

Да. Он принял всё это ещё давно. Съёживаться перед лицом опасности глупо. Бесполезно. К тому же это было бы самообманом.

Конечно, это мог быть один из тех моментов, о которых историки обожали болтать. Когда великий гений наконец зашёл слишком далеко и положил себе конец сам. Упал с пика собственного величия, так и не дотянувшись до облаков.

Но этим болтливым муравьям всё равно никогда не понять. Поучительные истории? Перестраховка?

Это не входило в накопленные им знания.

Моргунов вдохнул глубже, чем раньше – возможно, глубже, чем когда-либо, потому как всё текущее в него рвение заставляло его чувствовать. Своим разумом он взял контроль над потоком, как внутри себя, так и снаружи, так и всюду вокруг.

Будто удочкой, он тянул поток к себе. Больше. Больше. Больше.

Поток внутри татуировок был там. Частью лески. Частью, интересующей его больше всего. Медленно, они отделялись от тела Асада и следовали вместе с потоком к Моргунову.

Такая энергия. Такая сила. Достаточно, чтобы вызвать тошноту.

Нет. Нужно. Нужно держаться.

Ближе. Ближе. Ещё ближе.

Вот. Вот они. Прямо перед ним. В мгновении от касания.

Он приготовился. Первая татуировка соприкоснулась с протянутой рукой.

И мир побелел.

Но он всё ещё был в сознании. Всё ещё держался. Не тронутый. Не мог видеть, но мог чувствовать. Поток. Татуировки. Кузню. Всё, вообще-то.

Всю комнату. Всё здание. Каменистую местность вокруг него и корку планеты под ним, тянущуюся ниже, ниже, ниже.

Так много информации. Поток желал, чтобы он видел всё.

И на импульсе он хотел ему позволить. Впитать всё. Но понимал. Нужно держаться. Он здесь главный, а не поток. Нельзя позволить ему вести себя за нос, потому что он попытается утащить за собой всюду и никуда, растянёт его разум насколько возможно и рассеет душу. Була тоже, если жнец не поймёт, что происходит, и не отпустит его раньше.

Ну, если бы Бул вообще был на такое способен, пока Моргунов контролировал всё настолько тщательно. Конечно, теоретически будет шанс – в самом конце, – но чтобы узнать наверняка, следовало бы сначала попытаться. А это было бы так же безумно, как и глупо.

Поэтому он сосредоточился. На своём разуме. Собрал мысли, эмоции, чувства – свой поток. Он не будет отторгнут. Татуировки, сияющие золотой энергией, змеями поползли на его руку, а от неё вдоль по телу.

Да. Так лучше.

Теперь, возможно...

Вдруг раздался отчётливый женский голос.

— Литл фул.

И Моргунов остановился, замерший на звуке этих слов. На их ритме. На их тоне.

Такой пронзительный, ненавистно знакомый голос.

Он не слышал этих слов ещё с...

— Как всегда, ты лезешь куда не стоит, — сказал голос, теперь на моссианском – по крайней мере, так это прозвучало в голове. И затем снова, на его старом, родном языке: — Литл фул.

Приходилось признать, что сдержаться было непросто.

Эти слова. Сказанные таким тоном.

Никто не мог их знать. Никогда он не должен был услышать их снова.

Потому что убил всех, кто говорил с ним таким голосом.

В безумии, его разум посетила мысль, что этот голос мог принадлежать матери. Но это просто совершенно невозможно. И всё же, в один, мелькнувший мимо момент, он не удержался и позволил этой мысли проникнуть в голову.

А затем ярости.

Такой ярости, какой не чувствовал эпоху.

Она наполнила его.

Закрыла собой мысли. Распотрошила разум.

Пока он не почувствовал Була. Тянущего его назад. Возвращающего спокойствие. Возвращающего его.

Он выдохнул, ухватившись за нить умиротворения.

— Неплохой приёмчик, — сказал Моргунов, едва сдержав ярость в голосе. — Кто ты и откуда тебе известны эти слова?

— Оттуда же, откуда и тебе, — ответил голос.

Моргунов наклонил голову, пытаясь больше сосредоточиться на любопытстве, чем на ярости. По крайней мере, зрение возвращалось. Мир белого снова сужался к комнате Ямы.

И вскоре он заметил проблему.

Яма выключилась. Сдерживающее поле из чистого пламени и рвения исчезло, единственный намёк на золотой свет остался на нём – и покрывал всё тело.

Асад и Корвас всё ещё были на месте, связанные по всем конечностям и без сознания. Это хорошо. Жнец мог бы сбежать, пока он стоял слепой и отвлечённый.

Но странно. Он не говорил Кузне выключаться. Впрочем, это она могла сделать и сама, если решила, что её работа закончена.

Однако он не видел никакой физической формы, которой мог бы принадлежать голос.

Так, сначала дела поважнее. Он пошёл к Корвасу, чтобы убедиться, что жнец не сбежит.

Но не успел подойти, как голос заговорил снова:

— Ты желал встретить бога, разве не так? Изначального, как ты говорил.

Он остановился. Не убрал взгляда от Корваса, но остановился. Голос словно бы исходил из самих татуировок, как если бы он ощущал физические вибрации звука, переносящегося по телу.

Значит, не телепатия. Что логично. Против этой фигни он выстроил защиту ещё очень давно.

Но тогда откуда голос узнал эти старые слова? И другой вопрос. Про Изначальных. Если голос вытянул эту информацию не из его головы, то...?

— Откуда ты это знаешь?

— Глупый вопрос глупого ума. Задай что-нибудь поумнее.

О какая. Пыталась его разозлить? Обычно на него эта тактика не работала, но он должен был признать, что обладательница голоса в ней мастерица. Кем бы она ни была, ей почти удалось заставить его врасплох.

Впервые за долгое время разум Була играл значительную роль. Поддерживал в нём баланс. Не позволял потерять контроль над собой.

— Это не сработает, дамочка, — сказал Моргунов. — Меняй тему сколько влезет, но так или иначе я получу свои ответы. И будет лучше, если ты начнёшь работать сообща, иначе потом я могу оказаться немножечко мстительным.

— Угроза из невежества не поможет тебе, маленький дурак.

— Ха-ха-ха. На моссианском совсем не то. — Его серебряный взгляд на мгновение переместился к Асаду, вскоре вернувшись к Корвасу. — Ты случайно не родственница этой парочки, а? Или, может, сохранившийся остаток воспоминаний родственницы? М-м?

— Твоё заявление настолько же близко, насколько и далеко. Объяснять подобное мне будет скучно, и я уверена, что ты не станешь мудрее к концу моих слов.

— Ого. Ну ладно. Тогда, может, с твоей стороны будет мудрее своими словами сказать мне, кто ты такая? Или, по крайней мере, кем хочешь показаться. То, что ты одна из тех, кому ложь даётся проще слов, я уже понял.

— Хмф. Маленький дурак. Вновь я спрашиваю: ты желал встретить Изначального?

— Агась.

— Тогда восславь удачу свою. Потому как желание исполнено твоё.

Редакция: akkunin

<http://tl.rulate.ru/book/1701/2938307>